

М
К89

ЛЕВ КУЗЬМИН

ЕГОРКА И МАНЮШКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА • 1981

1981

ЛЕВ КУЗЬМИН

ЕГОРКА
И
МАНЮШКА

СКАЗКА

В деревеньке Тёплые Лопушки жила-была вместе с родителями девочка Манюшка.

Родители от зари до зари в поле работали, а Манюшка с братцем нянчилась. Братца звали Егоркой, и был он совсем маленький. Он ещё ни ходить, ни разговаривать не умел.

Манюшка по утрам щёки ему ладошкой утрёт, кашей с молоком накормит, а потом из высокой люльки кое-как, через край, вытащит и обязательно скажет:

— Ну и тяжеленный ты у нас! Прямо не Егорка, а Пуд Иванович... Пойдём-ка, пойдём, Пуд Иванович, на солнышко.

И вынесет Егорку на закорках во двор, усадит там под берёзой на мягкую мураву:

— Дальше мне тебя не унести. Здесь погуляем. Как мама наказывала.

Да только какое же это гулянье: всё во дворе да во дворе, каждый день на одном месте! Егорке, пока он маленький, конечно, и тут не худо, а вот Манюшке — скукота. Ей дальше охота, на улицу, на весь на вольный простор.

И всё думала она, как бы сделать так, чтобы желание сбылось, и вспомнила про деревянную тележку. В этой тележке Манюшку самую когда-то отец с матерью катали, а теперь она тележку под крыльцом нашла, пыль с неё смела и усадила в крепкий кузовок тяжёленького Егорку.

— Теперь нам обоим хорошо! Теперь я будто лошадка, а ты кучер. Поехали!

И они — поехали.

Катится тележка по улице, самодельные колёсики скрип да скрип, Егоркина белая голова над кузовком торчит.

А деревенский люд, старый да малый, тот, который и в добрую и в худую погоду завсегда дома, — из окон смотрит, кричит Манюшке:

— Ты куда это наладилась? Завёртывай с братцем к нам.

А Манюшка отвечает:

— Нет! В доме-то мы и в своём насиделись. Мы поехали на простор за околицу, на вольный свет.

Тогда старый люд принимается пугать:

— Худо сейчас за околицей. Жара, тишь, и никого нету. Только полудница-птица летает, она вас утащит.

А Манюшка и опять машет рукой:

— Не утащит. Мы с Егоркой не боимся ничего, мы — бедовые!

И вот едут они всё дальше и дальше. Деревенька Тёплые Лопушки за высокой рожью скрылась, сама рожь повдоль пыльной дороги стеной стоит, не колышется, и никого кругом нет.

Не видать в знойном небе и полудницы.

— Зря нас пугали, Егорка. Сейчас вот проедем немножко, и начнётся вольный простор. Я знаю, мне отец сказывал.

И тут рожь ушла в одну сторону, дорога в другую повернула, и очутились они на зелёной лужайке, на высокой горوشке.

Далеко внизу темнеет меж кустов речной омуток, в нём кувшинки, быстрые молнии рыбок, а за этим омутком, за речкой, такое луговое раздолье, что дух захватывает.

— Вот туда нам и надо бы, — говорит братцу Манюшка, — да боюсь, мне тебя обратно не вкатить... Да нам и тут неплохо.

Что правда, то правда. На лужайке высоко над речкой — славно.

Здесь и в жаркий полдень свежо и весело. Под тележкой у Егорки кузнечики гремят. Почти по-над самой землёй береговые ласточки вьются. С цветка на цветок мотыльки перелётывают.

А цветы — жёлтые купавки, клевер малиновый, синие колокольчики такие яркие, что маленький Егорка лишь завидел их, так в кузовке своём и заподпрыгивал радостно.

— Сейчас, — сказала Манюшка. — Потерпи чуть-чуть! Колокольчики тебе ни к чему, ты их в рот потянешь, а лучше я тебе насобираю земляники. По ополью, по траве она, смотри, какая крупнющая.

И Манюшка стала собирать спелую землянику. Правой рукой берёт, в левую пригоршню складывает.

Складывает, на братца оглядывается, а как новую ягоду в высокой траве заметит, сорвёт её и ласково крикнет:

— Ау, Егорка, ау! Не бойся, я тут.

Егорка думает, что это сестричка затеяла с ним игру в прятки, подпрыгивает у себя в кузовке ещё пуще, пробует тоже сказать:

— Агу-у... Агу-у...

И так вот шаг за шагом отходит Манюшка всё дальше, на братца поглядывает всё реже, лишь голос ему подаёт да слушает, как он «Агу!» отвечает. Когда же алых ягод набрала полную горсть, то снова аукнула и — ответа вдруг не услышала.

Опять аукнула и — опять не услышала.

«Уснул, что ли?», — подумала Манюшка и выглянула из травы.

А как выглянула, так ягоды у неё из горсти все на землю и просыпались.

Нет на том месте тележки с кузовком, нет на том месте братца Егорки — отвечать там Манюшке некому.

«Неужто полудница пронеслась?» — обмерла Манюшка и кинулась туда, где только что стояла тележка.

Но стояла-то она на самом краю лужайки, над самой речкой, и когда Манюшка заглянула вниз, то и совсем заплакала:

— Ой, да что это я наделала!
Ой, сама я во всё виноватая!
Без пригляда оставила братика,
И, видать, покачулся с тележкой он,
Да и съехал под горочку в реченьку...
Вон и прямо следок в омуток,
И волна оплеснула песок!

Сбежала Манюшка на этот песок, встала на колени, смотрит в воду.

А там, под водой, и следа уже нет, там только играют меж чистых камушков пескаррики да усатый рак куда-то, не торопясь, ползёт.

— Рак, рак! — позвала горестно Манюшка. — Куда девалась тележка с братцем? Сползай туда, где поглубже. Посмотри, нет ли там Егорки...

Рак и усами не повёл, пополз дальше по своему делу.

— Пескаррики, пескаррики! — взмолилась Манюшка. — Занырните в самую глубину! Поищите братца!

А пескаррикам хоть бы что, играют себе, будто не слышат.

Тогда Манюшка всей речке кричит, просит её, уговаривает:

— Расплеснись, речка, на две стороны! Верни мне Егорушку, я тебе за него что хочешь отдам!

Но и речка молчит. Бежит она, меж ракитовых кустов струится и даже волною в ответ не плеснёт.

И не знает Манюшка, что делать теперь. Села на песок, слёзы платком утирает, кается:

— Плохо я за братиком смотрела, ухаживала плохо. Даже Пудом Иванычем обзывала... Вернись он теперь, я бы его и с рук не спустила, как бы мне не было тяжёлононько... Да поздно теперь каяться. Видно, придётся мне и самой в речку нырять.

И только она так сказала, только поднялась, чтобы в речку зайти, а сверху, с ракиты, вдруг голос раздаётся:

— Не выдумывай, не выдумывай! Не к чему... Не утонул твой Егорка. Говори скорей, что за него дашь. Что речке за него сулила?

И спрыгивает на песок перед Манюшкой Сорока-белобока — Длинный хвост, Хитрые глаза.

— Что дашь? Что дашь? Говори быстрее!

— Да всё отдам! Всё! — обрадовалась Манюшка. — Если хочешь, в няньки к твоим сорочатам пойду.

— Нянька нам не нужна, — скачет Сорока, — мои ребятки давно по лесу разлетелись. Подари мне лучше платок. Я стара становлюсь, мне солнцем голову напекает.

— Бери! — торопится Манюшка. — Бери, да сказывай скорей про Егорку. Где он?

— А вон там... — показывает крылом Сорока. — Плывёт вниз по речке, как на кораблике, в своей деревянной тележке. Если не догонишь, в море унесёт.

Охнула Манюшка, помчалась по берегу. Сорока платок на голову повязала, впереди Манюшки летит, путь показывает.

Да только Сороке по воздуху — легко, а Манюшке по земле бежать плохо. На пути буераки, шиповник, крапива.

Изожглась она вся, искололась на бегу, а быстрой речки ей всё равно не перегнать.

И опять заплакала было Манюшка, да тут на пути жаркий малинник, из малинника Медведица выходит. Большая, косматая, вся пасть ягодами измазана.

Манюшка и перепугаться не успела, Сорока сразу к Медведице:

— Выручи, выручи! Помоги речку обогнать. Манюшка тебя чем-нибудь отдарит.

— Чем? — проворчала Медведица. — Я у неё ничего не вижу.

— А передничек? — говорит Манюшка. — Хочешь, передник свой подарю?

Взяла Медведица передник, не спеша примерила, говорит:

— Мал!

А потом подумала, подумала, за ухом почесала, опять подумала, да и согласилась:

— Ладно. Сойдёт. Я его дочке отнесу, ей придётся впору. Садись, Манюшка, верхом, поскакали обгонять речку.

Села Манюшка на Медведицу, ухватилась за нечёсанный загривок, и понеслись они вдоль берега по кустам, по чащобам, по буеракам так быстро, что Сорока погналась, погналась было за ними, да опустилась на ёлку, протрещала вслед:

— Дальше одни скачите! Мне невмочь.

Косолапая Медведица ломится через лес, Манюшка пригибается, чтобы её сучками не сшибло, всё поглядывает туда, где за тёмными деревьями речка блестит, и всё просит:

— Скорей! Скорей! А то Егорка в синее море уплы-вёт.

И вот лес кончился, впереди опять просторные луга, а речка разлилась таким широким плёсом, что второго берега почти не видать. Но видится там на самой середине светлое пятнышко, и похоже, что это Егоркин кораблик-тележка и есть.

— Матушка Медведица, — просит Манюшка, — ты сквозь чащи меня пронесла, через овраги меня пронесла, так перенеси и на середину речки. Помоги пригнать Егоркин кораблик к берегу.

— Нет. Уже всё. Уморилась! — отвечает Медведица. — Поплетусь к своей Малашке, понесу ей передник. Дальше за подмогой обращайся к Ворону. Вон он расхаживает по лугу в чёрном пиджаке, в лохматых штанах.

Манюшка ёжится:

— Очень хмурый он... Его просить — новые подарки дарить, а у меня ничего больше не осталось. Только вот это платишко, да и то штопаное.

— Подарков нет — поклонись пониже! — буркнула Медведица и побрела в лес.

Подбежала Манюшка к Ворону, поклонилась до земли:

— Дяденька Ворон, нет у меня подарков, да всё равно выслушай. Вспрыгни на высокий пенёк, глянь на речку, там моего братика Егорку в море уносит...

Не успела она и досказать, Чёрный Ворон — Лохматые штанцы сразу на высокий пенёк прыг, глянул оттуда на речку и закричал:

— Эй, где вы, мои ребята-воронята! Сюда! Скорей! Надо Егорку спасать!

Взмахнул Ворон крыльями, взлетел над всем голубым простором. К нему, откуда ни возьмись, два чёрных воронёнка пристроились, и полетели они на середину реки спасать Егорку.

Полетели, ухватили кораблик-тележку за края, да и к берегу причалили.

Сидит там Егорка живёхонек, здоровёхонек, знай себе агукает, смеётся, а Манюшка не знает, что и делать от радости. То ли братца обнимать, то ли Ворона благодарить. Кланяется она ему до земли, кланяется и воронятам, просит прощения, что нет у неё подарков.

А воронята сами радуются, прыгают, кричат:

— Да ты что? Какие такие подарки, когда братец в море уплывает. Ничего нам, Манюшка, не надо, и кланяться нам не надо. Мы сейчас тебя домой проводим.

И они помогли Манюшке докатить братца до самой деревни Тёплые Лопушки, а там уже — переполох! Родители с работы вернулись — волнуются. Весь деревенский люд волнуется. А как только завидели на дороге братца в тележке, да Манюшку, да её крылатых помощников, так тут все и бросились к ним.

Мать с отцом даже браниться не стали. Схватили Егорку, давай по очереди целовать его да тетёшкать, а старый да малый люд обступил Манюшку:

— Ну, как? Побывала на просторе? Повидала вольный свет? Каков он?

И Манюшка засмеялась, и ответила:

— Повидала, повидала... Он большой-пребольшой, да пугаться в нём нечего. Он — добрый!

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Лев Иванович Кузьмин
ЕГОРКА И МАНЮШКА
СКАЗКА
Художник С. Ковалёв

ИБ № 1056

Редактор Л. Кузнецова. Художественный редактор О. Ведерников. Технический редактор О. Кистерская. Корректор С. Блашинштейн. Сдано в набор 10.06.80. Подписано в печать 23.12.80. 60×90/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура академич. Печать офсет. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 1,71. Тираж 400 000 экз. Изд. № 5882. Заказ № 630. Цена 15 коп. Издательство «Малыш», Москва, К-55, Бутирский вал, 68. Кабинетский орден Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Каляини, проспект 50-летия Октября, 46.

К 70801—062 62—81
М102(03)—81

© Издательство «Малыш» 1981